

DOI: 10.22363/2313-2337-2021-25-3-527-544

Научная статья

Соглашения Российской и Британской империй с Йэттишаром: историко-правовое исследование

Р.Ю. Почекаев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
 rpochekaev@hse.ru

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена необходимостью осмысления исторического опыта международных отношений в центрально-азиатском регионе в контексте противостояния «великих держав» за сферы влияния. Объектом исследования являются отношения России и Великобритании с самопровозглашенным государством Йэттишар (также фигурирующим в исследовательских трудах как Кашгария), существовавшим в 1864—1877 гг. в Восточном Туркестане. В качестве предмета исследования выступают торговые договоры, заключенные с этим государством Российской и Британской империями, соответственно в 1872 и 1874 гг. Целью исследования является историко-правовой анализ содержания договоров. Автор предпринимает попытку ответить на вопросы, в какой степени эти договоры свидетельствовали о признании двумя империями Йэттишара в качестве субъекта международных отношений, и как заключение этих договоров отражало противостояние империй в Центральной Азии — в рамках так называемой «Большой игры». Основными методами исследования являются формально-юридический, историко-правовой и сравнительно-правовой подходы, наряду с которыми автор использует юридико-антропологический и общеисторический исследовательский инструментарий. Полученные результаты до некоторой степени отражают и современные подходы России и западных держав в выстраивании правоотношений со своими партнерами в Центральной Азии, учет ими политической ситуации, политико-правовых и культурных традиций стран и народов региона.

Ключевые слова: Йэттишар (Кашгария), Российская империя, Британская империя, Большая игра, международные торговые соглашения

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о финансировании. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00162), реализуемого в Институте языков и культур имени Льва Толстого.

Дата поступления в редакцию: 14 ноября 2020 г.

Дата принятия к печати: 15 июля 2021 г.

© Почекаев Р.Ю., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>

Для цитирования:

Почекаев Р.Ю. Соглашения Российской и Британской империй с Йэттишаром: историко-правовое исследование // RUDN Journal of Law. 2021. Т. 25. № 3. С. 527—544. DOI: 10.22363/2313-2337-2021-25-3-527-544

DOI: 10.22363/2313-2337-2021-25-3-527-544

Research Article

Trade treaties of Russian and British empires with Yattishar: historical and legal study

Roman Yu. Pochekaev

National Research University Higher School of Economics,
Saint Petersburg, Russian Federation
rpochekaev@hse.ru

Abstract. The relations of the Russia and Britain with the self-declared state of Yettishar was a striking example of different approaches of two empires to the states and peoples of the Central Asian regions within so called “Great Game”, i.e. Russo-English rivalry in the 19th c. The trade treaties of Yattishar with the Russian Empire of 1872 and with the British Empire in 1874 became a legal reflection of these approaches and are of great interest within the context of the historical experience of the legal status of unrecognized states and positions of the rival “world powers” towards such states. The purpose of the article is a historical-legal analysis of above-mentioned treaties and comparative-legal analysis of them with the similar treaties signed by Russia and England with other Central Asian states during the same period. Author attempts to clarify if treaties of 1872 and 1874 confirmed recognition by both empires of Yettishar as a subject of international relations and how these legal documents reflected confrontation of Russia and England in the region. The study is mainly based on the formal-legal, historical legal and comparative-legal methods. Also author used the methods of legal anthropology and general history. The results of the research to a certain extent correlate with modern approaches in the policy of Russian and western powers in Central Asia in terms of political situation in the region as well as political, legal and cultural traditions of Central Asian states and peoples.

Key words: Yattishar (Kashgharia), Russian Empire, British Empire, the Great Game, international treaties of commerce

Conflicts of interest. The author declared no conflicts of interest.

Funding information. The study is by a grant from the Russian Science Foundation (project No. 19-18-00162), implemented at the Leo Tolstoy Institute of Languages and Cultures.

Article received 14 th November 2020

Article accepted 15th July 2021

For citation:

Pochekaev, R.Yu. (2021) Trade treaties of Russian and British empires with Yattishar: historical and legal study. *RUDN Journal of Law*. 25 (3), 527—544. DOI: 10.22363/2313-2337-2021-25-3-527-544

Введение

Актуальность исследования объясняется необходимостью осмысления исторического опыта политики «мировых держав» в Центральной Азии и, в частности, на территории Восточного Туркестана, входящего в современный

Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР, положение которого и в настоящее время не отличается стабильностью. Причины этой нестабильности имеют давнюю историю и, соответственно, неоднократно оказывали влияние на политику государств, имевших политические и экономические интересы в Центральной Азии, затрагивая также их отношения с соседними народами, странами и регионами.

В середине XVIII в. Восточный Туркестан был завоеван империей Цин. Однако на протяжении XIX в. представители свергнутой правящей династии (так называемые Белогорские ходжи) неоднократно поднимали восстания, призывая местное мусульманское население сбросить владычество «неверных» маньчжуров. Все эти попытки оказывались неудачными, и ходжи имели возможность установить контроль лишь над частью своих прежних владений и, в лучшем случае, на несколько месяцев (Valikhanov, 1985:141—156).

Но в первой половине 1860-х гг. на северо-западе империи Цин вспыхнуло мощное антикитайское восстание местных мусульман. В результате изгнания маньчжурской администрации на территории Восточного Туркестана и Илийского края возникло несколько самопровозглашенных мусульманских государств, наиболее сильным из которых стал Йэйтишар («Семиградье»), созданный в 1864 г. эмиром Якуб-беком, выходцем из среднеазиатского Кокандского ханства. За короткое время этот правитель сумел не только обезопасить свои владения от попыток империи Цин восстановить контроль над регионом, но и подчинить себе большинство других государств, возникших в Восточном Туркестане. В отличие от «кратковременных государств», возникших в результате вышеупомянутых восстаний ходжей, государство Якуб-бека оказалось гораздо более прочным и контролировало практически весь Восточный Туркестан.

На рубеже 1860—1870-х гг. Российская и Британская империи сочли государство Якуб-бека достаточно стабильным и значимым в регионе, чтобы отреагировать на попытки эмира установить с ними дипломатические и торговые отношения. В результате они пошли на то, чего не практиковали ранее, во время предыдущих попыток свержения власти империи Цин и восстановления правления мусульманских монархов в регионе — подписали с Якуб-беком договоры о торговле (Bellew, 1875:386). В рамках настоящей статьи предпринимается попытка на основании анализа этих договоров выяснить, в какой степени каждая из империй рассматривала статус Йэйтишара и старалась влиять на его политику с учетом интересов других государств в регионе.

Русско-кашгарский договор 1872 г. и англо-кашгарский договор 1874 г. неоднократно привлекали внимание исследователей, занимавшихся историей Центральной Азии в эпоху противостояния в регионе России и Англии — так называемой «Большой игры» (Terent'ev, 1875; Khalfin, 1965; Sergeev, 2012), а также и авторов трудов, непосредственно изучавших историю государства Йэйтишара (1864—1878), Якуб-бека и его международных связей (Alpysbes et al., 2018; Baskhanov, 1990; Boulger, 1878; Garbuzarova, 2009; Henze 1989; Isiev, 1981; Moiseev, 2003; Vasil'ev, 2019). Имеются и работы, непосредственно посвященные изучению договоров и обстоятельств их заключения: так, еще в середине XX в. Н.В. Байкова защитила кандидатскую диссертацию, посвященную англо-кашгарскому договору 1874 г. (Baykova, 1952), в которой, в традициях советской

историографии, анализировала «агрессивную, захватническую политику Англии в Восточном Туркестане»; уже в начале XXI в. С.В. Моисеев посвятил несколько работ русско-кашгарскому договору 1872 г., в которых детально рассмотрел политические условия и последствия подписания этих договоров, проанализировал официальную позицию российских центральных и региональных властей по Йэттишару (Moiseev, 2001; Moiseev, 2019).

Однако в большинстве случаев исследователи использовали и изучали договоры преимущественно как исторический источник, в незначительной степени учитывая их юридический характер. Кроме того, в литературе получило распространение довольно противоречивое мнение о том, что оба документа имели весьма сходное содержание, но при этом договор, заключенный Йэтишаром с Россией, ничего не менял в формате их отношений, тогда как англо-кашгарский договор означал официальное признание государства Якуб-бека британскими властями (Alder, 1963:50—51; Garbuzarova, 2009:61; Moiseev, 2003:163; Pierce, 1960:146; Sergeev, 2012:329).

Настоящая статья является первой попыткой исследовать оба договора как официальные правовые акты. Для этого автор использует формально-юридический анализ, позволяющий изучить договоры в правовом отношении с точки зрения формы и содержания. Историко-правовой подход позволяет рассмотреть анализируемые правовые памятники в контексте политической обстановки, в которой они появились, выяснить причины и проследить последствия заключения договоров. Наконец, сравнительно-правовой анализ поможет понять, во-первых, каковы были сходства и отличия двух исследуемых документов, а во-вторых — насколько они были типичны или уникальны для каждой из империй, заключивших договор с Йэттишаром. Для ответа на последний вопрос наряду с договорами, которым непосредственно посвящена статья, также привлекаются другие договоры, заключавшиеся обеими империями в рассматриваемый период с государствами центрально-азиатского региона.

Историко-правовой анализ договора Российской империи с Йэттишаром 1872 г.

Подписанию Русско-кашгарского торгового договора 1872 г. предшествовала довольно длительная и активная дипломатическая деятельность, участниками которой стали не только сами Российская империя и Йэттишар, но также Британская империя, империя Цин, Кокандское ханство и соседний с государством Якуб-бека Таранчинский султанат — еще одно самопровозглашенное государство, возникшее на территории Илийского края империи Цин в ходе мусульманского восстания.

Якуб-бек вскоре после прихода к власти стал активно налаживать отношения с Россией, надеясь на признание с ее стороны (Isiev, 1981:37; Moiseev, 2019:78). Однако имперские власти в лице туркестанского генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана последовательно отказывали ему в этом, поскольку не желали портить отношения с империей Цин, выступая за ее территориальную целостность. Поскольку до воцарения в Йэттишаре Якуб-бек был высокопоставленным чиновником Кокандского ханства, он прекрасно разбирался

в международно-политической ситуации в Центральной Азии, и для него не была секретом борьба Российской и Британской империй за контроль над регионом. Стремясь «подтолкнуть» российские власти к заключению выгодного для него договора, правитель Йэттишара начал устанавливать контакты с администрацией Британской Индии: в течение 1868—1870 гг. состоялась целая серия обменов дипломатическими миссиями, причем английские власти, в отличие от российских, давали понять Якуб-беку, что готовы установить с ним отношения как с самостоятельным государем (Garbuzarova, 2009:58, 60; Isiev, 1981:38).

По мнению ряда авторов, именно сближение правителя Йэттишара с властями Британской Индии подтолкнуло российскую администрацию к заключению договора с Якуб-беком, опасавшуюся, что Англия заключит с ним договор раньше и на более выгодных условиях, тем самым усилив свои позиции в Восточном Туркестане (Alpysbes et al., 2018:160; Isiev, 1981:41—42; Kiernan, 1955:325; Pierce, 1960:28). Согласно другой версии, Якуб-бек, долгое время настаивавший на полноценном международном договоре, сам согласился на заключение договора на предложенных Россией условиях после присоединения ею Таранчинского султаната (Henze 1989:74; Vasil'ev, 2002:53). Это событие произошло в 1871 г. после неоднократных проявлений враждебности со стороны местного правителя — Алахана Абиль-оглы. Администрация Туркестанского края, предварительно уведомив о своих действиях цинские власти, оккупировало территорию султаната, временно превратив ее в Кульджинский район в составе Семиреченской области и обязуясь вернуть империи Цин после стабилизации обстановки в Восточном Туркестане и соседних регионах.

Якуб-бек, считавшийся союзником султана Алахана, естественно, был обеспокоен решительностью российских властей и сам проявил инициативу по поводу заключения договора. В 1872 г. в Кашгар прибыл представитель туркестанского генерал-губернатора барон А.В. Каульбарс, который после переговоров, которые «шли довольно туго», все же сумел убедить правителя Йэттишара подписать договор на условиях, предложенных К.П. фон Кауфманом, что имело место 8 июня 1872 г.

Теперь обратимся к анализу формы и содержания этого документа.

Прежде всего, отметим, что понятие «договор» следует применять к этому документу достаточно условно: формально он именовался «Условия о свободной торговле, предложенные генерал-адъютантом фон Кауфманом 1-му правителю Джиты-шара [так в тексте — Р.П.] Якуб-беку». Таким образом, во-первых, это — не договор в традиционном понимании, поскольку являлся результатом не взаимной договоренности, а принятия Якуб-беком условий, предложенных ему российской стороной. Само понятие «условия», полагаем, должно было создать у других держав, имеющих интересы в регионе (в первую очередь — у Цинской и Британской империй) впечатление о невысокой юридической силе этого документа. Как представляется, эта цель российских властей была достигнута: в британском парламенте при обсуждении ситуации в Восточном Туркестане 3 мая 1874 г. русско-кашгарский договор был классифицирован как коммерческий договор — из разряда тех, которые при заключении «с азиатскими державами не имеют большого значения».

Также нельзя не обратить внимания на то, что с российской стороны договор подписан не главой государства, а лишь руководителем региональной

администрации — туркестанским генерал-губернатором К.П. фон Кауфманом. Безусловно, первый начальник Туркестанского края обладал экстраординарными полномочиями по сравнению с другими губернаторами и генерал-губернаторами в Российской империи, включая право самостоятельных внешнеполитических контактов, что небезосновательно отмечают исследователи (Sergeev, 2012:107). Тем не менее, как представляется, подписание договора с одной стороны главой государства (пусть и непризнанного), а с другой — лишь главой региона (хотя бы и с исключительным статусом) также отражало позицию российских властей, не рассматривавших Йэттишар в лице его правителя как равноправного партнера на международной арене.

На неравноправие сторон также указывает термин «владелец», применяемый в договоре по отношению к Якуб-беку (Kim, 2004:142—143). В отличие от «хана», «эмира», даже «правителя», это понятие не имеет четкого правового статуса, что, без сомнения, и пытались подчеркнуть составители документа: применяя его к главе Йэттишара, они отражали нелегитимный характер его правления. Надо сказать, что и в прежние времена в официальной российской документации (включая и документы международно-правового характера) термин «владелец» или «владельец» использовался в отношении правителей Центральной Азии, в статусе которых российские администраторы или дипломаты не были уверены. Так в XVIII—XIX вв. именовались правители среднеазиатских ханств Бухары и Хивы, Джунгарского ханства (до установления с ними прямых контактов), ханы казахских жузов или отдельных родоплеменных подразделений, ташкентский правитель Юнус-ходжа (1764—1805) и др.

Обратившись к содержанию «Условий...», следует отметить удивительную краткость документа: он содержит всего лишь пять весьма кратких статей.

Ст. I предусматривает свободный въезд российских торговцев в Йэттишар, а на его «почтенного владельца» возлагает обязанность гарантировать безопасность русских и их имущества. Весьма характерно, что для подданных Якуб-бека предусматривались аналогичные права на территории Российской империи, но не указывалось, кто выступает гарантом их безопасности.

Ст. II позволяет российским купцам иметь на территории Йэттишара свои караван-сарай, одновременно являющиеся товарными складами. Аналогичное право предусматривается и для торговцев из Йэттишара.

Одной из самых важных и, по мнению исследователей, противоречивых, является ст. III, согласно которой русским купцам в Йэттишаре и, соответственно, местным торговцам в Туркестанском крае позволяется иметь «торговых агентов (караван-башей)», функции которых К.П. фон Кауфман определил как «наблюдение за правильным ходом торговли и за законным взиманием пошлины». Некоторые исследователи полагают, что речь идет об официальных российских дипломатах — торговых представителях (Alder, 1963:45; cf.: Henze 1989:81; Kiernan, 1955:326). Однако такое мнение представляется ошибочным: в статье «Условий...» прямо говорится о том, что право иметь торговых агентов предоставляется именно купцам, а не Российской империи и даже не администрации Туркестанского края: речь идет лишь о выборных от самого купечества авторитетных представителях для контроля торговых операций и налогообложения в этой сфере. Эта особенность подчеркивается сравнением «Условий...»

1872 г. с договорами, которые Российская империя заключала с империей Цин касательно того же Восточного Туркестана в 1851 г. (Кульджинский трактат), 1860 г. (Пекинский договор) и 1881 г. (Санкт-Петербургский договор): эти документы прямо предусматривали пребывание в регионе и, в частности, в Кашгаре российских дипломатических представительств — торговых консульств.

Ст. IV уточняет размер ввозной (таможенной) пошлины с товаров, ввозимых из России в Йэтишар: она должна составлять 2,5 % от стоимости товара, т. е. столько, сколько взималось в Йэтишаре с мусульманских подданных Якуб-бека. Речь шла о приравнивании таможенной пошлины с русских товаров к традиционному мусульманскому налогу с прибыли — зякету (закату), согласно канонам шариата составлявшему как раз 1/40 от дохода.

Наконец, ст. V предусматривала свободу транзитной торговли, т. е. беспошлинный проезд русских торговцев через территорию Йэтишара в другие государства (вероятно, прежде всего имелся в виду Китай) и аналогичное право для кашгарских торговцев. Впрочем, не приходится сомневаться, что это положение для последних оказывалось не слишком востребованным: вряд ли подданные Якуб-бека планировали вести торговлю с государствами Европы, да еще и добираясь туда через российские пределы — для контактов с европейскими партнерами они, как мы увидим ниже, использовали торговые пути через британские владения в Индии.

Итак, можно убедиться, что все статьи русско-кашгарского договора 1872 г. регулируют практически исключительно торговую сферу и посвящены защите интересов российских торговцев, которые вели дела в Йэтишаре или следовали транзитом через его территорию. «Договорный» характер статей отражается в принципе взаимности практически по всем правам и свободам, которые «Условия...» предусматривали для российских торговцев: аналогичные положения касались и купцов из числа подданных Якуб-бека.

Неоднозначность международно-правового положения Йэтишара при сохранении за Восточным Туркестаном статуса весьма важного в политическом и особенно экономическом отношении центрально-азиатского региона объясняет осторожность формулировок анализируемого документа: как видим, никакие политические вопросы им не регулировались, речь шла всего лишь о защите интересов российского купечества (Moiseev, 2019:79). Несомненно, усилия и самого Кауфмана, и его представителя барона Каульбарса по разработке и подписанию этого договора заслуживают уважения. Однако при этом следует иметь в виду, что «Условия...» отнюдь не разрабатывались «с нуля»: опыт подготовки и заключения такого рода у туркестанской администрации уже имелся.

Еще за четыре года до подписания русско-кашгарского договора, в 1868 г. тот же К.П. фон Кауфман заключил соглашения с Кокандским ханством и Бухарским эмиратом, которые положили начало системе протекторатов Российской империи в Средней Азии. Обратившись к текстам этих документов, мы с удивлением обнаруживаем, что они имеют значительные сходства с анализируемым договором 1872 г. Более того, русско-кокандский договор, подписанный К.П. фон Кауфманом и ханом Худояром в январе—феврале 1868 г., содержит те же пять статей, совпадающих по смыслу. Более того, почти все статьи (за исключением первой) практически идентичны в обоих договорах. Еще более добавляет

сходств и формат этого договора: как и в случае с Йэттишаром, речь идет не о полноценном договоре, а о «Торговых обязательствах», которые, правда, обе стороны — Россия (в лице туркестанского генерал-губернатора) и Коканд — подписали как самостоятельные субъекты международных отношений.

Есть основания полагать, что договор с Кокандом стал «прототипом» для договора с Якуб-беком, и дело не только в «универсальности» формулировок, впервые использованных в договоре 1868 г. Как уже отмечалось выше, правитель Йэттишара был высокопоставленным кокандским сановником, активно участвовавшим в придворных интригах и междоусобицах. Более того, «кокандское прошлое» Якуб-бека существенно повлияло на начальный этап взаимоотношений администрации Туркестанского края с правителем Йэттишара: Кауфман считал, что Якуб-бек до сих пор является (по меньшей мере номинально) подданным хана Худояра и неоднократно прибегал к услугам последнего как посредника в переговорах с кашгарским владельцем. Возможно, такую позицию Кауфмана обусловили и прежние связи Кокандского ханства с Кашгаром, в котором кокандские ханы еще в 1830—1850-е гг. по согласованию с империей Цин имели собственных администраторов и сборщиков таможенных и торговых налогов (Newby, 2005:184—209). Лишь к началу 1872 г. Якуб-бек сумел добиться, чтобы российские власти взаимодействовали с ним напрямую (Kim, 2004:142; Vasil'ev, 2019:269—270).

Что касается российско-бухарского договора, заключенного 11 мая 1868 г., то, хотя и он имеет значительные сходства с анализируемыми «Условиями...» 1872 г., обстоятельства его заключения были несколько иными, что и обусловило некоторые его отличия от договора с Кокандом. Договор с ханом Худояром (как и с Якуб-беком) был подписан в результате дипломатического взаимодействия, не сопровождавшегося боевыми действиями, тогда как договор с Бухарой стал результатом короткой, но победоносной для России войны с эмиратом. Соответственно, назывался он «Условия мира, предложенного генерал-адъютантом фон Кауфманом его высокостепенству эмиру бухарскому Сеид-Музаффар-Бахадурхану» и содержал три документа. Помимо наиболее интересующих нас «Условий о торговле», в него также входили «Дополнение к условиям мира», фиксировавшее изменение границы между Российской империей и Бухарским эмиратом (в результате отторжения в пользу России ряда бухарских территорий) и «Секретное дополнение к условиям мира», определявшее размер и порядок выплаты эмиром Музаффаром контрибуции. Как бы то ни было, но последующее «лояльное» поведение бухарского эмира привело к тому, что вплоть до заключения в 1873 г. «Договора о дружбе» (Шаарского договора) от 28 сентября 1873 г. именно эти «Условия о торговле» являлись основным документом, регулирующим отношения России и Бухары. Нельзя не обратить внимания на то, что даже его название сходно с российско-кашгарским договором 1872 г.

В отличие от российско-кокандского и российско-кашгарского договоров, «Условия о торговле» с Бухарой включали не пять, а шесть статей. Однако это — лишь формальное отличие: ст. 1 и 2, по сути, составляют собой ст. 1 российско-кашгарского соглашения, поскольку первый из них предусматривает свободный въезд российских подданных в Бухару, а второй возлагает обеспечение их безопасности на эмира. Все остальные статьи (3—6) практически идентичны ст. 2—5 российско-кокандского и российско-кашгарского договоров.

Таким образом, содержание российско-кашгарского соглашения 1872 г. не является уникальным: оно составлялось, исходя из опыта выстраивания политических и в особенности экономических отношений с другими государствами Центральной Азии, имеющими много общих черт с Йэттишаром с точки зрения государственного устройства и правовой системы. Сравнение договора Российской империи с Йэттишаром и ее же договоров с Кокандом и Бухарой 1868 г. дает основание еще для одного вывода. Как было отмечено выше, с заключением этих договоров в исследовательской литературе связывается установление российского протектората над Кокандским ханством и Бухарским эмиратом. Однако, как мы убедились, оба договора, по сути, аналогичны соглашению с Йэттишаром, в отношении которого у России не было (и не могло быть, исходя из специфики отношений с империей Цин) намерений установления протектората или иной формы зависимости. Таким образом, сравнительный анализ трех документов дает еще один аргумент в пользу того, что договоры с Кокандом и Бухарой никак не фиксировали зависимость от России правового положения этих среднеазиатских ханств: оно обеспечивалось на практике при строгом юридическом признании обоих государств самостоятельными участниками международных отношений.

Историко-правовой анализ договора Британской империи с Йэттишаром 1874 г.

Заключение договора с Йэттишаром британскими властями, несомненно, стало прямым следствием российско-кашгарского соглашения 1872 г.: конечно же, англичане не собирались без сопротивления уступать России влияние над этим стратегически важным центрально-азиатским регионом, который к тому же прилегал к владениям Британской Индии (Baskhanov, 1990:104).

Подписание договора 1874 г. стало результатом долгих и многоэтапных переговоров властей Британской Индии с самопровозглашенным правителем Йэттишара, в ходе которых стороны и достигали согласия, и вступали в противоречия, прибегали к политическому шантажу, используя «российский» или «цинский факторы». Примечательно, что на раннем этапе англо-кашгарских отношений сам Якуб-бек избегал вопроса о заключении торгового соглашения с англичанами, надеясь на выгодный договор с Россией (Henze 1989:73). А в 1873 г. Сейид Якуб-хан, посол Якуб-бека, на переговорах с английскими властями в Калькутте прямо предложил им заключить соглашение с Россией, согласно которому Йэттишар стал бы «буферным государством» между двумя империями (Karpat, 1991:22; Kim, 2004:145; Veselovskiy, 1899:100).

Соответственно, поначалу и англичане не стремились к налаживанию полноценных отношений с Йэттишаром, полагаясь на заверения главы российского внешнеполитического ведомства князя А.М. Горчакова, который утверждал, что «Россия не имеет никаких завоевательных намерений в отношении Кашгара и желает развивать с ним дружеские торговые и соседские отношения, но признать его не может из-за неуверенности в прочности его власти и потому, что он не признан Китаем» (cit. by: Baskhanov, 1990:115). Однако последующие действия туркестанского генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана, имевшие следствием

заявление Илийского края в 1871 г. и подписание договора с Йэттишаром в 1872 г., заставили британские власти форсировать события и, в конечном счете, подписать с Якуб-беком собственный вариант торгового договора (Baskhanov, 1990:118). Подписание состоялось 2 февраля 1874 г. в ходе миссии в Кашгар британского чиновника и дипломата Т.Д. Форсайта (Forsyth), который и прежде, в 1869—1870 гг., уже бывал у Якуб-бека для переговоров об установлении дипломатических и торговых отношений.

Как уже упоминалось, исследователи неоднократно отмечали близость содержания российско-кашгарского и англо-кашгарского договоров (что, собственно, и послужило основанием для проведения настоящего исследования), однако только детальный формально-юридический анализ обоих документов позволяет подтвердить или опровергнуть это утверждение. Поэтому, как и в случае с «Условиями...» 1872 г., проанализируем форму и содержание этого документа.

Сразу обращает на себя внимание, что, в отличие от «Условий о свободной торговле», предложенных К.П. фон Кауфманом и подписанных Якуб-беком в 1872 г., англо-кашгарское соглашение официально носило название «торговый договор» (Treaty of commerce), которое фигурирует в документе. Контрагенты в ст. I именуются «высокими договаривающимися сторонами», что также указывает на договорный характер документа.

Также, в отличие от российско-кашгарского соглашения, в преамбуле анализируемого документа Якуб-бек фигурирует не с неопределенным титулом «владелец/владелец», а официально титулуется «эмир, правитель территории Кашгара и Яркенда», а сам договор предусматривает действие также при его «наследниках и преемниках». С британской стороны он подписан вышеупомянутым Т.Д. Форсайтом, уполномоченным представителем вице-короля Индии лорда Нортбрука, который сам подписал и заверил печатью этот документ 13 апреля того же года. Формально-юридического сходство между российско-кашгарским и англо-кашгарским соглашениями, таким образом, состоит в том, что с «имперской» стороны оба документа подписаны всего лишь главами региональных администраций. Однако стоит обратить внимание на то, что К.П. фон Кауфман имел право на подписание таких документов в силу полномочий, предоставленных лично ему (последующие туркестанские генерал-губернаторы не обладали такой широкой компетенцией), тогда как лорд Нортбрук подписал договор в качестве вице-короля Индии, т. е. обладая полномочиями в силу занимаемого положения.

В содержательном отношении англо-кашгарский договор гораздо больше «Условий...» 1872 г.: он содержит 12 статей, некоторые из которых, к тому же весьма объемные. Правда, при анализе содержания конкретных статей создается впечатление, что англичане специально «раздули» те или иные правила, чтобы «превзойти» своих российских конкурентов.

Так, например, ст. I предусматривает свободу въезда, торговли и пребывания английским подданным в Йэттишаре и подданным Якуб-бека в Британской Индии, а ст. 2 — отсутствие взаимных ограничений при проходе и перевозке товаров. Аналогичные положения были весьма кратко сформулированы в ст. I «Условий...» 1872 г.

Ст. 3 устанавливает обязательное наличие у «европейских британских подданных» (вероятно, имеются в виду английские торговцы, не проживающие постоянно в Индии) паспортов, без которых они не вправе пользоваться соответствующими правами и привилегиями.

Ст. 4 предусматривает обложение товаров из Британской Индии во владения Якуб-бека ввозной пошлиной в размере 2,5 % от их стоимости (т. е. вышеупомянутый зякет), тогда как импортируемые из его владений в Индию товары вообще не должны облагаться пошлинами. Это, на первый взгляд, странное и неравноправное (причем для английской стороны!) условие компенсируется возможностью обложения таких товаров «в соответствии с правилами акцизов и сборов согласно городским и муниципальным правилам». Ст. 5 дополняет положения предыдущей, не допуская вскрытия товаров из Индии до прибытия их в место назначения и позволяя, в случае невозможности определения стоимости товаров, взять в качестве ввозной пошлины 1/40 часть их количества. Если в таких случаях возникает спор, то он решается двумя уполномоченными — от чиновников Якуб-бека и от «импортера», т. е. британского торговца.

Наиболее важной является ст. 6 договора, согласно которой британские власти имели право назначать представителя (representative) при дворе Якуб-бека и подчиняющихся ему коммерческих агентов в городах и населенных пунктах Йэттишара. Эти представители должны были «иметь ранг и привилегии, соответствующие посольским, согласно международному праву, а агенты должны обладать привилегиями, принадлежащими консулам наций с режимом наибольшего благоприятствования». Именно эта статья и дает основание исследователям считать, что Британия договором 1874 г. официально признала Якуб-бека легитимным правителем и установила с ним официальные дипломатические отношения. Это мнение подкрепляется положениями ст. 8 (самой объемной в документе), предусматривающей у вышеупомянутых представителей и коммерческих агентов судебных функций в отношении британских подданных на территории Йэттишара. Если же одной из сторон в уголовном деле выступал подданный Якуб-бека, то оно находилось в компетенции местного суда, который, однако, должен был рассматривать дело в присутствии британского агента. Более того, такой представитель британских властей мог по прошению участника процесса, либо собственному усмотрению потребовать повторного разбирательства дела в другом местном суде, если считал решение или приговор несправедливым.

Ст. 7 поначалу представляется «случайно вклинившейся» между ст. 6 и 8, поскольку касается права британских подданных иметь в собственности или найме земли, дома и склады. Однако смысл ее включения в блок, посвященный статусу британских дипломатических представителей в Йэттишаре, становится понятным из ее второй части: никто не вправе проникать туда без разрешения представителя, агента, а проникновение разрешено только в присутствии назначаемых ими лиц.

Ст. 9 включает в число лиц, пользующихся правами и привилегиями на территории Йэттишара, также «подданных всех индийских князей и государств, находящихся в союзе с ее величеством королевой». Ниже мы приведем причины включения этой статьи в договор.

Ст. 10 имеет чисто процессуальный характер: она определяет порядок предоставления копий показаний и иных судебных документов и их заверения в соответствующем суде.

Ст. 11 касается судьбы имущества британского подданного, скончавшегося на территории Йэттишара и, «с соответствующими корректировками» (*mutatis mutandis*), судьбы имущества подданного Якуб-бека, умершего в Британской Индии. Англичане постарались установить «европейский» принцип распоряжения таким имуществом, в соответствии с которым оно должно было передаваться наследникам или душеприказчикам умершего, а не присваиваться местными властями.

Наконец, ст. 12 определяет порядок взыскания долга за счет имущества британского подданного его кредиторами в Йэттишаре и то же «с соответствующими оговорками» в отношении подданных Якуб-бека в Индии. Правда, и здесь предусматривается «посредничество» британского представителя в кашгарских владениях.

Таким образом, англо-кашгарский договор, несмотря на его «торговый» характер, как видим, содержит положения, касающиеся организации дипломатического взаимодействия Британской Индии и Йэттишара. Впрочем, если подойти к этим положениям с точки зрения буквального толкования, то можно увидеть, что формально эти представители должны были заниматься вопросами, также касающимися экономической сферы, и защищать интересы своих подданных в случаях возникновения противоречий в связи с торговой деятельностью.

Как и администрация Туркестанского края, власти Британской Индии при составлении проекта договора опирались на свой предыдущий опыт выстраивания договорных отношений с другими субъектами международного права — в частности, с индийскими княжествами. Наиболее близким по хронологии заключения и содержанию к договору 1874 г. видится заключенное в 1870 г. соглашение между британскими властями и Ранбир Сингхом, махараджей Джамму и Кашмира.

Этот документ также официально имеет статус договора и тоже подтвержден вице-королем Индии графом Мейо. Наряду с положениями о свободном въезде на территорию британских торговцев и их свободном транзитном проезде документ предусматривает назначение британских чиновников для контроля торговых путей (ст. 1) и комиссаров (*commissioners*) для контроля сборов и пошлин и решения споров с участием британских подданных (ст. 2). Весьма любопытно, что этот договор заключался в значительной степени с целью обеспечения транзитного проезда для британских подданных именно в Восточный Туркестан, являясь, таким образом, «подготовительной стадией» к заключению соглашения с самим Якуб-беком.

Чиновников и комиссаров британского правительства в Джамму и Кашмире можно отождествить с представителями и коммерческими агентами в Йэттишаре, деятельность которых предусматривалась договором 1874 г. Однако при этом нельзя не учитывать, что Джамму и Кашмир еще в первой половине XIX в. попали под контроль английских властей, став вассальным владением Британской Индии. Поэтому пребывание в нем английских чиновников представлялось вполне логичным элементом контроля со стороны государства-

сюзерена. Получается, что английские власти, разрабатывая проект соглашения с Якуб-беком, изначально ставили целью подчинение Йэттишара, чего вовсе не намеревалась делать Россия.

В связи с этим совершенно логичным представляется сравнительный анализ российско-кашгарского и англо-кашгарского договоров и последствий их заключения, который мы и проводим ниже.

Сравнительно-правовой анализ договоров 1872 и 1874 гг.

На основе проведенного выше формально-юридического анализа каждого из договоров и их сравнения с другими актами, заключавшимися обоими государствами с другими центрально-азиатскими партнерами, теперь попытаемся ответить на вопрос о степени их сходства между собой и, как следствие, обоснованности утверждений о признании или непризнании Россией и Великобританией государства Йэттишар.

Безусловно, в формальном отношении сразу обращает на себя внимание разное название документов: русско-кашгарский договор представляет собой «условия», тогда как англо-кашгарский прямо именуется «договором». Также мы уже обратили внимание на осторожное титулование Якуб-бека «владельцем» со стороны российских властей и признание его «эмиром и правителем», причем наследственным, со стороны британских.

Вопросы, непосредственно касающиеся организации торговой деятельности, в принципе, достаточно сходно регламентируются обоими документами, разве что в англо-кашгарском договоре гораздо больше внимания уделяется вопросам процессуального характера, связанным с разбирательством споров, взиманием долгов, судьбой имущества умерших иностранных торговцев и проч. Впрочем, исходя из специфики английского права и его источников, можно счесть эту детализацию отличительной чертой британского регулирования частноправовых отношений.

Больше всего вопросов вызывают положения ст. III и ст. 6 англо-кашгарских соглашений, касающихся статуса представителей России и Британской Индии в Йэттишаре. Казалось бы, в обоих случаях речь идет о лицах, уполномоченных надзирать за соблюдением правил торговли, законностью взимания пошлин и в целом — защиты интересов купечества соответствующего государства. Однако нетрудно заметить принципиальное отличие в положениях договоров 1872 и 1874 гг. Ст. III российско-кашгарского соглашения предоставляет русским торговцам «право иметь» торговых агентов (караван-башей), т. е. речь идет о представителе, выбранном от самих торговцев и по их усмотрению. Ст. 6 англо-кашгарского договора прямо указывает, что представитель при Якуб-беке и коммерческие агенты назначаются британским правительством. Таким образом, частноправовому характеру назначения и деятельности русских торговых агентов противопоставляется однозначно публично-правовой статус британских представителей, который еще и подчеркивается фактом присвоения им «ранга и привилегий», соответствующим официальным дипломатическим представителям — послам и консулам.

Позволяют ли выявленные отличия присоединиться к вышеупомянутым мнениям исследователей и однозначно констатировать, что англо-кашгарский

договор, в отличие от российско-кашгарского, свидетельствовал о формальном дипломатическом признании Йэттишара в качестве официального и самостоятельного участника международных отношений?

Как представляется, оснований для такого утверждения недостаточно. Во-первых, британские представитель и коммерческие агенты, согласно договору, лишь «приравнялись», соответственно, к послам и консулам, но формально не являлись таковыми; следовательно, не шло речи об открытии в Йэттишаре полноценного посольства и консульств. Во-вторых, в отличие от прав и привилегий торговцев, право на назначение таких чиновников со стороны Йэттишара договор 1874 г. не предусматривал. Наконец, выше мы уже проводили параллель между этими представителями и английскими чиновниками в княжестве Джамму и Кашмир, подконтрольном Британской Индии. Таким образом, вполне очевидным представляется намерение британских властей не признать Йэттишар самостоятельным субъектом международно-правовых отношений, а подчинить его себе в экономическом и политическом отношении, приравняв по статусу к вассальным княжествам Северной Индии (Baskhanov, 1990:120; Isiev, 1981:42—43). Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов и стремление британских властей, уже ознакомившихся с содержанием «Условий...» 1872 г., «перешеголять» Россию с помощью более выгодных для Якуб-бека условий договора, более высокого статуса британских представителей в его владениях и проч.

Естественно, это намерение не могло не стать очевидным для опытного и проницательного политика Якуб-бека. Поэтому он, охотно подписав договор с англичанами, весьма критично отнесся к его положениям, касавшимся статуса британского представителя в Йэттишаре, и не замедлил проявить свое отношение на практике. После заключения договора и отбытия посольства Т.Д. Форсайта в качестве такого представителя («чиновника для особых поручений») при дворе Якуб-бека сразу был оставлен Р. Шоу (Shaw) — еще один опытный британский дипломат, также неоднократно прежде бывавший в Кашгаре (Kim, 2004:145). Поначалу его пребывания в полной мере устраивало Якуб-бека, поскольку позволяло демонстрировать России, что не только с ней у Йэттишара установлены экономические отношения. К тому же вскоре после подписания договора, в 1874 г., в государство Якуб-бека была доставлена крупная партия оружия и боеприпасов из Индии (что прямо противоречило российско-британским договоренностям по Центральной Азии) (Isiev, 1981:43). Однако когда британский представитель попытался вмешиваться в политику Якуб-бека, т. е. делать то, для чего и был фактически оставлен при дворе правителя Йэттишара тот просто-напросто выдворил его из своих владений под предлогом, что не согласовал его пребывание со своим сюзереном — османским султаном (Alder, 1963:52; Alpysbes et al., 2018:164).

Таким образом, Англия практически ничего не выиграла от своего соглашения, которое впоследствии соблюдалось обеими сторонами в большей степени номинально (Alder, 1963:55). Эта номинальность со временем стала диктоваться и объективными причинами: с 1876 г. государство Якуб-бека стало слабеть под натиском цинских войск, усиливавших натиск на Восточный Туркестан с целью восстановления своего контроля над регионом. В этих условиях британским

властям, конечно же, не было резона вступать в конфронтацию с империей Цин ради гибнувшего самопровозглашенного государства, и они всячески уклонялись от попыток Якуб-бека возобновить и расширить дипломатические контакты (Baskhanov, 1990:125—126).

Объективности ради, впрочем, следует сказать, что и российско-кашгарское соглашение не оказалось столь эффективным, как надеялись обе стороны. Современники отмечали незначительность российской торговли в Йэттишаре, хотя и признавали, что перспективы ее роста весьма велики, учитывая давние торговые связи России с Восточным Туркестаном как в докитайский, так и в цинский периоды (Kuropatkin, 1879:50—59; Maev, 1876:86, 89). Вину за слабое развитие торговых отношений они не без оснований возлагали на Якуб-бека, который вскоре после подписания «Условий...», видимо, осознал их номинальный характер и выказывал недовольство этим, создавая препятствия для российских торговцев в своих владениях (Biddulph, 1874:75; Morrison, 2019). Двуличие правителя Йэттишара ярко проявилось в его корреспонденции: в своих посланиях и Кауфману, и центральным российским властям он выражал удовлетворение дружескими отношениями и заключением соглашения с Россией, тогда как в посланиях другим мусульманским правителям региона (в частности — тому же кокандскому хану Худояру) писал, что «неверным» предоставлено слишком много прав в его владениях, и хорошо бы им вообще запретить доступ в Йэттишар.

Таким образом, реализация на практике российско-кашгарского и англо-кашгарского соглашений еще раз продемонстрировала, насколько принципиально отличались представления европейских и азиатских властей о международно-правовых отношениях, и что договоры, составленные в соответствии с принципами и нормами европейской правовой традиции, оказывались неэффективными в центрально-азиатских политических и правовых реалиях.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, оба договора, несмотря на особенности правового положения Йэттишара, в полной мере соответствовали политике России и Британии в Центральной Азии и имели значительные сходства — вплоть до совпадения формулировок отдельных пунктов, — с договорами, которые обе империи заключали с другими государствами центрально-азиатского региона, которые не считали самостоятельными субъектами международных отношений. С учетом этих особенностей Россия и Британия *de-facto* поддерживали достаточно полноценные дипломатические отношения с Йэттишаром вплоть до его падения.

Во-вторых, ни один из проанализированных договоров не дает оснований считать, тем не менее, что власти империй признавали законность существования Йэттишара и, соответственно, легитимность правления Якуб-бека. И если российско-кашгарский договор 1872 г. большинство исследователей и прежде не рассматривали как свидетельство официального признания государства Якуб-бека Россией, то в отношении англо-кашгарского договора такого единодушия, как мы убедились выше, не было. Анализ его формы и содержания убеждает, что

власти Британской Индии отнюдь не стремились рассматривать Йэттишар в качестве полноправного партнера, а намеревались навязать ему роль «вассального владения». Таким образом, анализ обоих документов, сравнение их с аналогичными договорами, заключавшимися каждой из империй, позволяет до известной степени сформировать представление о степени «колониализма» России и Великобритании в Центральной Азии.

В-третьих, обтекаемость формулировок обоих договоров (особенно подготовленного англичанами) позволяет сделать вывод, что судьба Йэттишара в глазах российских и британских властей являлась весьма неопределенной, и, в зависимости от ситуации, они могли в дальнейшем позволить себе различные толкования пунктов соглашений как при выстраивании отношений с Йэттишаром, так и для дальнейшего дипломатического давления на империю Цин. Но кратковременность существования этого государства, прекратившего существование вскоре после смерти Якуб-бека (ум. 1877), привела к аннулированию обоих договоров (Kiernan, 1955:319).

Наконец, несмотря на то, что заключение договоров диктовалось, в первую очередь, противостоянием России и Англии в рамках «Большой игры», их соперничеством за контроль над распространением влияния над таким стратегически важным регионом, как Восточный Туркестан, тем не менее, империи учитывали разные факторы при выстраивании отношений с Йэттишаром. Так, Российская империя в значительной степени учитывала состояние своих отношений с империей Цин и старалась формулировать условия своего взаимодействия с государством Якуб-бека так, чтобы не усложнить и без того непростое взаимодействие с маньчжурскими властями. Для Великобритании же основным стимулом для установления и поддержания отношений с Йэттишаром стало именно соперничество с Россией, тогда как «китайский фактор» власти Британской Индии практически не принимали во внимание вплоть до падения Йэттишара.

References / Список литературы

- Alder, G.J. (1963) *British India's Northern Frontier, 1865—95: A study in imperial policy*. London, Longmans, Green and Co., Ltd.
- Alpysbes, M.A. et al. (2018) The history of the state of Yaqub-beg and the “great game” in East Turkistan. *Otan tarikhy*. 3 (83), 155—168. (in Russian)
Алтысбес М.А., Ергалиева Д.С., Халиева А.Н. История государства Якуб-бека и «Большая игра» в Восточном Туркестане // *Отан тарихы*. 2018. № 3 (83). С. 155—168.
- Baykova, N.B. (1952) *Anglo-Kashghar Trade Treaty of 1874 (On the history of the “Central Asian Question”)*. Abstract Diss ... cand. histor. of sciences. Tashkent. (in Russian).
Байкова Н.Б. Англо-кашгарский торговый договор 1874 г. (Из истории «среднеазиатского вопроса»): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1952. 18 с.
- Baskhanov, M.K. (1990) The Policy of England toward the State of Yakub-beg. In: Iskhakov G.M. (ed.) *On History of International Relations in the Central Asia (Middle Ages and Modern Period)*. Alma-Ata, Ghylym Publ. pp. 100—133. (in Russian).
Басханов М.К. Политика Англии в отношении государства Якуб-бека // Из истории международных отношений в Центральной Азии (средние века и новое время) / отв. ред. Г.М. Исхаков. Алма-Ата: Гылым, 1990. С. 100—133.
- Bellew, H.W. (1875) *Kashmir and Kashghar: A Narrative of the Journey of the Embassy to Kashghar in 1873—1874*. London, Truner & Co.
- Biddulph, J. (1874) *The Atalik Ghazee, with sketch of the history of Kashghar since 1863*. Calcutta, Private Secretary's Office Press.

- Boulger, D.Ch. (1878) *The life of Yakoob Beg, athalik Ghazi and Badaulet, ameer of Kashgar*. London, W.H. Allen & Co.
- Garbuzarova, E.G. (2009) Eastern Turkestan in the Spectrum of Geopolitical Interests of Russia and Great Britain in the 19th. *AUCA Academic Review*. 1, 55—63. (in Russian).
Гарбузарова Е.Г. Восточный Туркестан в спектре геополитических интересов России и Великобритании в XIX в. // *AUCA Academic Review*. 2009. Вып. 1. С. 55—63.
- Henze, P.B. (1989) *The Great Game in Kashgaria. British and Russian missions to Yakub Beg*. *Central Asian Survey*. 8 (2), 61—95.
- Isiev, D.A. (1981) *Uyghur State of Yettishar (1864—1877)*. Moscow, Nauka Publ. (in Russian).
Исиев Д.А. Уйгурское государство Йэйтишар (1864—1877). М.: Наука, 1981. 92 с.
- Karpat, K.H. (1991) Yakub Bey's relations with the Ottoman sultans: A reinterpretation. *Cahiers du monde russe et soviétique*. XXXII. (1), 17—32.
- Khalfin, N.A. (1965) *Joining of the Central Asia to Russia (60th—90th of the 19th century)*. Moscow, Nauka Publ. (in Russian).
Халфин Н.А. Присоединение Средней Азии к России (60—90-е годы XIX в.). М.: Наука, 1965. 468 с.
- Kiernan, V.G. (1955) Kashghar and the Politics of Central Asia, 1868—1878. *Cambridge Historical Journal*. 11 (3), 317—342.
- Kim, H. (2004) *Holy War in China: The Muslim rebellion and state in Chinese Central Asia, 1864—1877*. Stanford University Press.
- Kuropatkin, A.N. (1879) *Kashghariya. Historical and Geographical Essay of the Country, Its Armed Forces, Industry and Trade*. Saint Petersburg, Balashev's V.S. Printing Press. (in Russian).
Куропаткин А.Н. Кашгария. Историко-географический очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля. СПб.: Типография В.С. Балашева, 1879. 435 с.
- Maev, N. (1876) Trade Realties with Kashghar. *Materials for statistics of the Turkestan region*. Iss. 4. Saint Petersburg, A. Transhel's Printing Press and Chromolithography. pp. 86—89. (in Russian).
Маев Н. Торговые сношения с Кашгаром // *Материалы для статистики Туркестанского края*. Вып. IV. СПб.: Типография и хромолиитография А. Траншеля, 1876. С. 86—89.
- Moiseev, S.V. (2001) The Mission of A.V. Kaul'bars to Yettishar and Signing of Russian-Kashghar Trade Treaty in 1872. In: Boyko, V.S. (ed.) *Russia, Siberia and Central Asia: Interaction of Peoples and Cultures: Materials of the 3rd International Scientific and Practical Conference. November 15 — 16, 2001*. Barnaul, Barnaul State Pedagogic University Press. pp. 21—26. (in Russian).
Моисеев С.В. Миссия А.В. Каульбарса в Йэйтишаре и подписание русско-кашгарского торгового договора в 1872 г. // *Россия, Сибирь и Центральная Азия: взаимодействие народов и культур 2001 г.* / отв. ред. В.С. Бойко. Барнаул: Изд-во Барнаульского государственного педагогического ун-та, 2001. С. 21—26.
- Moiseev, S.V. (2003) *Relations of Russia and Uyghur Sate of Yettishar in 1864—1877*. Diss ... cand. histor. of sciences. Barnaul, Barnaul State Pedagogical University. (in Russian).
Моисеев С.В. Взаимоотношения России и Уйгурского Государства Йэйтишар в 1864—1877 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Барнаул, Барнаульский государственный педагогический университет, 2003. 224 с.
- Moiseev, S.V. (2019) Causes and Consequences of the Conclusion of the Russian-Kashghar Trade Treaty of 1872. *Izvestiya Altayskogo Gosudarstvennogo Universiteta*. 6 (110), 75—80. (in Russian).
Моисеев С.В. Причины и последствия заключения русско-кашгарского торгового договора 1872 г. // *Известия Алтайского государственного университета*. 2019. № 6 (110). С. 75—80.
- Morrison, A. (2019) *British India and the Chinese borderlands, 1869—1950: The political and secret records of the Government of India, India Office Library, British Library*. London, Cengage Learning.

- Newby, L.J. (2005) *The Empire and the Khanate: A Political History of Qing Relations with Khoqand c. 1760—1860*. Leiden, Boston, Brill.
- Pierce, R.A. (1960) *Russian Central Asia 1867—1917: A Study in Colonial Rule*. Berkeley; Los Angeles, University of California Press.
- Sergeev, E.Yu. (2012) *The Great Game, 1856—1907: Myths and Realities of Russian-British Relations in the Central Asia*. Moscow, Association of Scientific Publications KMK Publ. (in Russian).
Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856—1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012. 454 с.
- Terent'ev, M.A. (1875) *Russia and England in the Central Asia*. Saint Petersburg, Merkul'ev's P.P. Printing Press. (in Russian).
Терентьев М.А. Россия и Англия в Средней Азии. СПб.: Типография П.П. Меркульева, 1875. 361 с.
- Valikhanov, Ch.Ch. (1985) On the state of Altysnar or six eastern cities of the Chinese province Nan-Lu (Little Bukharia). In: *Collected works in five volumes*. Т. 3. Alma-Ata, Chief edition of the Kazakh Soviet Encyclopedia Publ. pp. 97—218. (in Russian).
Валиханов Ч.Ч. О состоянии Алтышара или шести восточных городов Китайской провинции Нан-Лу (Малой Бухарии) в 1858—1859 годах // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 3. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985. С. 97—218.
- Vasil'ev, D.V. (2002) The Organizer of the Turkestan Region (On the Biography of K.P. von Kaufman). *Collection of the Russian Historical Society*. 5 (153), 45—57. (in Russian).
Васильев Д.В. Устроитель Туркестанского края (к биографии К.П. фон-Кауфмана) // Сборник Русского исторического общества. Т. 5 (153). 2002. С. 45—57.
- Vasil'ev, A.D. (2019) Jetyshaar in the System of the International Relations of the second half of the 19th c. In: Vasi'ev D.V. (ed.) *Central Asia at the Crossroad of European and Asian Interests: 18th—19th centuries: Collected Scientific Works of the International Seminar. Alma-Ata, Augst 19—23, 2019*. Moscow, OntoPrint Publ. pp. 262—273. (in Russian).
Васильев А.Д. Джетишаар в системе международных отношений во второй половине XIX в. // Центральная Азия на перекрестке европейских и азиатских политических интересов: XVIII—XIX вв.: сб. научных трудов международного семинара. Алма-Ата, 19—23 августа 2019 г. / науч. ред. Д.В. Васильев. М.: ОнтоПринт, 2019. С. 262—273.
- Veselovskiy, N. (1899) Badaulet Yakub-beg, Atalyk Kashghar. *Notes of the Eastern Department of the Imperial Russian Archaeological Society*. (11), 87—105. (in Russian).
Веселовский Н. Бадаулет Якуб-Бек, аталык Кашгарский // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Т. XI. 1899. С. 87—105.

Об авторе:

Почекаев Роман Юлианович — доктор исторических наук, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории права и государства, Юридический факультет, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Российская Федерация, 198099, г. Санкт-Петербург, Промышленная ул., д. 17

ORCID: 0000-0002-4192-3528

e-mail: rpochekaev@hse.ru

About the author:

Roman Yu. Pochekaev — Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Associate professor, Head of the Department of Theory and History of Law and State, Law Faculty, National Research University Higher School of Economics; 17, Industrial str., Saint Petersburg, 198099, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-4192-3528

e-mail: rpochekaev@hse.ru